

АМИНА ВОЛКОВА

РАЗВ Д с предателем.

Твоя любовница
НОСИТ МОЙ ХАЛАТ!

Амина Волкова

**Развод с предателем. Твоя
любовница носит мой халат!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Твоя любовница носит мой халат! /

А. Волкова — «Автор», 2026

На поминках отца муж подсунул мне документы, уверяя, что спасает семейную клинику. Я подписала. И потеряла всё. Теперь Ратмир обвиняет меня в хищении сорока восьми миллионов, выгоняет из дома, а его любовница хозяйничает в кабинете папы.— Хочешь работать? Возьму санитаркой. Будешь мыть за мной медицинское оборудование! Он забыл, что я хирург. И что опасный Даниэль Севергин, которого боятся даже влиятельные чиновники, предлагает мне место в своей операционной. Вместе мы обнаруживаем страшное: муж закупал опасные импланты и подделывал документы покойного отца. Но довериться новому защитнику — значит снова рискнуть свободой. Сумею ли я вернуть клинику, доброе имя и право любить?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Амина Волкова

Развод с предателем. Твоя любовница носит мой халат!

Глава 1

Я отвела бестеневую лампу от лица Веры Павловны и сняла перчатки. Одна прилипла к запястью; пришлось подцепить край пальцем, прежде чем она свернулась и упала в контейнер. Руки пора было снова мыть. Запах хлоргексидина я уже почти не замечала.

— Полощите, Вера Павловна. На сегодня всё. Через три дня жду вас на контрольный снимок и фиксацию моста.

Вера Павловна сжала мои пальцы и не сразу отпустила. Я дала ей время: вставать из кресла после такого лечения тоже страшно. Отец, профессор Андрей Арсеньев, ради этих пациентов тридцать лет назад заложил семейную квартиру. Начал с одного кабинета. Теперь «Дентал Арс» занимала целое здание, а мне всё равно казалось, что стоит выйти в коридор — и услышу папин голос. Здесь я знала даже скрипучую паркетину у ординаторской.

Почти год я работала без него. Между приёмами ещё случалось взять телефон, чтобы спросить папу о снимке, и только потом вспомнить. Проще было сразу назначить следующий приём, не оставлять себе этих пустых минут. Сегодня вечером предстояла сложная операция по закрытию дефекта гайморовой пазухи, на которую я лично заказывала немецкую оптику. Накладные уже должны были лежать на ресепшене.

Я вышла в коридор и поправила халат. После трёх часов у кресла воротник тёр шею; хотелось поскорее разобраться с поставкой и успеть выпить чаю.

Инну я увидела ещё издалека: платье цвета фуксии возле стойки трудно было пропустить. Ей двадцать девять, а она всё ещё считала клинику местом, где нужно выделяться. Улыбнулась мне, показав ровный ряд виниров, и снова застучала длинными ногтями по граниту. От этой дроби у меня уже ныла голова.

— Инна, где документы по вечерней поставке титановых штифтов? — спокойно спросила я, подходя ближе. — И распечатай мне карту Орлова на восемнадцать ноль-ноль.

Инна даже не подняла взгляда от экрана моноблока. Она медленно перевела жевательную резинку за другую щёку и с приторной усмешкой протянула:

— Никаких карт, Людмила Андреевна. И штифтов тоже. Все ваши приёмы на сегодня аннулированы. Личным распоряжением генерального директора.

Сестра у шкафа перестала перебирать лотки. Вторая посмотрела на неё, потом на меня. По этим взглядам я поняла: они слышат распоряжение не впервые. Только мне никто не сказал.

— Что ты несёшь? — мой голос прозвучал резче, чем я планировала. — У Орлова незаживающая перфорация гайморовой пазухи, мы готовили его три недели! Немедленно открой базу и верни расписание. Ты забываешься, Инна. Ты администратор, а не главный врач.

— Была администратором, — Инна наконец подняла глаза и улыбнулась шире. Ей нравилось, что я стою здесь в рабочем халате и не понимаю, почему больше нельзя пройти к своему пациенту. — А со вчерашнего вечера я — исполнительный директор сети по связям с общественностью. И распоряжения Ратмира Тимуровича не обсуждаются. Ваша смена окончена, Милочка. Сдайте бейдж.

— Я сейчас сама поговорю с мужем о твоей «новой должности», — процедила я, разворачиваясь на каблучках.

Я решила: опять выходка его любовницы. От неё в Ратмировом «Мерседесе» оставалась тубероза — этот запах не спутаешь, — а совещания за закрытой дверью затягивались всё чаще. «Ценный кадр. Умеет выбивать квоты», — говорил муж, когда я спрашивала. Я принимала ответ, чтобы наутро снова выйти к пациентам. После папиного инфаркта клиника едва держалась; мне казалось, начни я ещё и выяснять отношения — всё посыплется. Сейчас Инна требовала мой бейдж. Вот до чего я домолчалась.

Я шагнула к массивной двери ординаторской, чтобы забрать планшет и личный пропуск в архив, и приложила пластиковую карту к магнитному замку.

Пик-пик.

Красный индикатор мигнул дважды. Замок не открылся.

Прижав карту ещё раз, я дождалась того же сигнала. На пластике были моя фотография и фамилия — чужой пропуск взять невозможно. Вчера он работал.

— Не усердствуйте, Людмила Андреевна, ноготь сломаете, — сказала Инна у меня за спиной. Последнее слово она растянула, будто мы обсуждали маникюр. Она подошла вплотную, скрестив руки на груди. — Ваши права доступа удалены с сервера клиники ровно в четырнадцать ноль-ноль. По прямому приказу руководства. Вы здесь больше никто.

Я поискала глазами кого-нибудь из своих. Ассистенты, санитарки, интерны — все были здесь. Одни смотрели в пол, другие возились с совершенно не нужными сейчас бумажками. Хоть бы кто-нибудь спросил, что случилось. Я бы ответила, я бы зацепилась за этот вопрос. Но слышала только её голос.

— Отойди, — тихо сказала я, глядя Инне прямо в переносицу.

Она чуть отступила, и я наконец смогла пройти. Улыбка осталась: Инна оглядывалась на сестёр, проверяла, видят ли они её победу.

Мне нужен был сам Ратмир. Я пошла напролом — через центральную галерею, мимо портрета отца в золоченой раме, прямо к кабинету управляющего. К человеку, с которым прожила семь лет и которому безоговорочно доверила административную часть нашей жизни.

Дверь из массива мореного дуба распахнулась от моего толчка.

— Ратмир! Твоя девица совсем берега потеряла, она заблокировала мои доступы и сняла опера...

Слова застряли в горле.

Кабинет, где когда-то папа читал мне лекции по челюстной хирургии, изменился до неузнаваемости. На стене больше не было отцовских дипломов Гейдельбергского университета — их место заняла огромная плазменная панель.

За широким столом сидел мой муж. Безупречный серый костюм-тройка, шёлковый галстук, выверенная, словно по циркулю, модельная борода и улыбка — та самая, от которой у спонсоров раскрывались кошельки, а у меня когда-то сладко замирало сердце.

Напротив него на кожаных гостевых креслах сидели двое мужчин в мешковатых темных пиджаках. На столе перед ними лежали раскрытые красные корочки с золотым тиснением и тяжелые папки с надписью «Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции».

— А вот и виновница торжества, — мягко, нараспев произнес Ратмир, поднимаясь навстречу. В его глазах не было ни капли удивления. Только холодный, расчетливый блеск сытого хищника. — Милочка, проходи, присаживайся. Мы как раз обсуждали твою... профессиональную усталость.

— Что здесь происходит? — я перевела взгляд с мужа на силовиков. — Ратмир, почему мой кабинет заблокирован? Кто эти люди? Выпроводи их, нам нужно поговорить начистоту.

— Боюсь, начистоту теперь будем говорить мы, гражданка Арсеньева, — тяжело пробасил один из визитёров, мужчина с бульдожьими брылями, пододвигая ко мне толстую картон-

ную папку. — Лейтенант юстиции Воропаев. Ознакомьтесь. Акт внеплановой ревизии финансово-хозяйственной деятельности ООО «Дентал Арс».

Села на ближайший стул, и папка оказалась слишком далеко: пришлось наклониться и подтянуть её обеими руками. Листы плохо слушались пальцев. Пропустив таблицу, вернулась к ней и заставила себя прочитать заголовок и цифры, а не искать, кто тут ошибся кабинетом.

«Вывод средств по фиктивным договорам консалтинговых услуг... Закупка партии фальсифицированного анестетика ультракаинового ряда в обход лицензионного контроля... Подделка подписей членов врачебной комиссии... Использование благотворительного фонда профессора Арсеньева для обналичивания серых выплат».

Сорок восемь миллионов рублей. Я прочитала сумму ещё раз, по разрядам. На такое оборудование мы годами собирали деньги, а здесь будто уже потратили их — я потратила, если верить бумаге. И под каждым распорядительным актом, под каждой накладной стояла подпись.

Моя подпись. Мой размашистый почерк с характерным завитком на букве «А».

— Это бред... — выдохнула я, поднимая глаза на Ратмира. — Это чушь! Я никогда не закупала этот препарат, мы работаем только с официальным дистрибьютором из Швейцарии! Ратмир, скажи им! Ты же сам вел бухгалтерию фонда!

Ратмир обошел стол, подошел ко мне сзади и положил тяжелые, теплые ладони мне на плечи. Я знала вес этих ладоней. Прежде опиралась затылком на его живот, позволяла размять плечи после смены. Сейчас он удерживал меня на стуле перед людьми, которые называли меня преступницей. Я попробовала податься вперед — пальцы Ратмира сжались.

— Я пытался тебя уберечь, родная, — сокрушенно, с трагической хрипотцой в голосе произнес он, глядя на следователей. — После смерти Андрея Сергеевича Мила была сама не своя. Антидепрессанты, бессонница, постоянные срывы... Видимо, на фоне колоссального стресса она связалась с непроверенными поставщиками. Пыталась закрыть долги по оборудованию. Я готов покрыть часть ущерба из личных средств клиники, господи офицеры, лишь бы не доводить до публичного скандала и СИЗО.

— Ты... что ты несешь? — я сбросила его руки с плеч и вскочила, опрокинув стул. Бумаги веером полетели на персидский ковер. — Какое СИЗО?! Это твоя махинация! Ты подделал мои подписи! Господин следователь, я требую немедленной почерковедческой экспертизы! Я требую независимого аудита! Я — главный акционер и наследница основателя!

Следователь Воропаев даже бровью не повел. Он лишь лениво переглянулся со своим напарником и аккуратно собрал разлетевшиеся листы.

— Экспертиза будет назначена в рамках уголовного дела, гражданка Арсеньева. А пока у нас есть явка с повинной от начальника склада и электронные проводки с вашего персонального IP-адреса. Завтра явитесь ко мне. Будем решать вопрос о мере пресечения.

— В архив, — глухо сказала я, отступая к двери. Нужно было добраться до устава. Показать им документ, пока муж не успел наговорить ещё чего-нибудь. — В сейфе лежит учредительный устав с правом моего абсолютного вето. Я не позволю тебе втоптать имя отца в грязь, слышишь? Я отстраню тебя от должности сию секунду!

Глава 2

Я выбежала из кабинета и рванула по коридору в малый конференц-зал, где за фальшпанелью находился бронированный сейф отца. Руки ходили ходуном. Код от сейфа — дата моего рождения: 1-9-0-5.

Тяжелая стальная дверца со щелчком отошла в сторону. Внутри было пусто.

Лишь один единственный документ лежал на пустой металлической полке.

За моей спиной послышались неспешные, мягкие шаги дорогих туфель из телячьей кожи. Ратмир вошел в конференц-зал один, без следователей, и аккуратно прикрыл за собой дверь на защелку.

— Ищешь папочку с золотым тиснением, Милусь? — в его голосе больше не было показного сочувствия. Он звучал сухо, цинично и абсолютно трезво.

Он вынул с полки единственный оставленный там документ — лист гербовой бумаги с голограммой — и небрежно бросил его мне под ноги.

— Почитай. Освежи память.

Я опустилась на колени прямо на холодный паркет. Текст расплывался перед глазами от подступающих слез, но суть въедалась в мозг раскаленным железом:

«Договор дарения и безотзывной передачи ста процентов доли в уставном капитале ООО „Дентал Арс“ Галееву Ратмиру Тимуровичу...»

Дата. Четырнадцатое ноября прошлого года.

День, когда мы опустили гроб с моим отцом в мерзлую осеннюю землю.

Я вспомнила. Боже, как я вспомнила этот ад! Зал поминок, запах ладана и спирта, мои опухшие от трехдневных рыданий глаза, дрожащие пальцы, не способные удержать даже стакан с водой... И Ратмир. Заботливый, участливый, подающий мне ручку и шепчущий на ухо: *«Подпиши здесь и здесь, маленькая моя. Это отказ от налоговых претензий к отцу, чтобы счета клиники не арестовали и мы могли выплатить зарплаты врачам... Я всё возьму на себя, только не плачь...»*

— Ты спланировал это, — прошептала я, поднимая на него глаза. В горле стоял ком из желчи и слез. — Когда папа еще не остыл... Ты подсунил мне отказ от клиники.

— Андрей Сергеевич был гениальным врачом, но никудышным бизнесменом, — Ратмир брезгливо поморщился, разглядывая свои запонки. — Он держал цены для нищих пенсионеров и тратил миллионы на бесплатные операции детям. Клиника тонула в долгах. Я спас этот бизнес. Я превратил его в дойную корову, которая будет приносить премиум-доход. А ты, Мила... ты просто устаревший балласт с фамилией на вывеске. Фамилию я оставлю — бренд раскручен. А тебя спишу по статье. Скажи спасибо, что я договорился с Воропаевым: он будет просить для тебя условку. Подпишешь признание — останешься на свободе. Поедешь в какую-нибудь деревенскую амбулаторию зубы дергать.

— Я уничтожу тебя, — я поднялась с колен, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони до крови. — Я найму лучших адвокатов. Я пойду на телевидение. Я дойду до Верховного суда, но я сотру твою сытую рожу в порошок, мразь! Ты сдохнешь на нарах!

Ратмир только тихо, снисходительно рассмеялся:

— Адвокатов? На какие деньги, солнышко? Твои личные счета заблокированы в рамках дела. Квартира отца была переписана на клинику в счет покрытия старых кредитов еще при его жизни. У тебя нет ничего. Даже халата, который на тебе надет.

Я развернулась и бросилась прочь.

В моем именном кабинете — кабинете доктора Арсеньевой — уже вовсю хозяйничали чужие.

Посреди комнаты стояли два огромных черных мусорных мешка. Инна с методичной жестокостью срывала со стен дипломы моих международных стажировок и с хрустом сгибала их пополам, заталкивая в полиэтилен.

На краю стола стоял папин антикварный латунный микроскоп фирмы «Carl Zeiss» 1954 года — подарок его учителя, бесценная семейная реликвия. Рядом лежали мои рабочие журналы с десятилетними исследованиями костной регенерации.

— Пошла вон отсюда! — крикнула я, бросаясь к столу.

Двое охранников из ЧОПа, дежуривших у входа, мгновенно шагнули вперед. Широкая ладонь одного из них тяжело легла мне на предплечье, сдавливая кость.

— Руки убрал! — рявкнула я с такой первобытной яростью, что двухметровый амбал на секунду отдернул руку и отступил.

Инна в этот момент потянулась наманикюренной лапой к папиному микроскопу, явно намереваясь швырнуть его в мешок поверх разбитых рамок.

— Не прикасайся к нему своими грязными лапами!

Между её рукой и микроскопом оставалось несколько сантиметров. Я шагнула и ударила её по лицу. Ладонь сразу загорелась; только по этой боли я поняла, с какой силой замахнулась.

В кабинете прозвучал сухой хлопок. Инна на секунду закрыла глаза, словно всё ещё пыталась понять, что произошло.

Инна взвизгнула, отлетела к кушетке и прижала ладонь к вспыхнувшей багровым щеке. Её идеальная укладка рассыпалась, глаза налились слезами бессильной злобы.

— Ах ты... тварь ненормальная! — завизжала она. — Влад, держи её! Выкиньте её на помойку!

Охранники снова дернулись ко мне, но я подняла со стола тяжелый латунный корпус микроскопа и прижала его к груди, как ребенка. Я развернулась к охранникам боком, закрывая микроскоп плечом. Они посмотрели на тяжёлую латунь в моих руках и остановились. Сломать мне пальцы было проще, чем объяснить, кто разбил прибор.

— Только троньте, — глухо сказала я. — Зубы по полу собирать будете.

Я зажала микроскоп под локтем и сгребла со стола толстую тетрадь в кожаном переплете — папины дневники и мои расчеты — и пошла к выходу. Никто не посмел меня остановить.

В главном холле собрался весь персонал и пациенты, ожидавшие вечернего приема. Десятки глаз смотрели на меня. Пациенты вытягивали шеи; кто-то поднялся с дивана. Я узнала женщину, которой на прошлой неделе сняла швы. Она сжимала сумочку и смотрела на охранников.

Я вышла на середину мраморного зала и набрала воздуха. Если здесь меня услышат хотя бы двое, Ратмир уже не сможет сделать вид, что ничего не случилось:

— Коллеги! Пациенты! Клиника захвачена мошенником! Ратмир Галеев сфальсифициро...

Договорить мне не дали.

Сзади бесшумно вырос Ратмир. Он властно, с силой обхватил меня за плечи, блокируя движения, и прижал к себе в удушающем, театральном объятии. Я не могла отстраниться, не уронив микроскоп. Людям в холле был виден муж, обнимающий жену; как его пальцы вдавились мне в плечо, они не видели.

— Тише, тише, девочка моя... — громко, с надрывом произнес он на весь холл, так, чтобы слышал каждый санитар. — Врачи уже едут. Ты переутомилась. Горе от потери отца замутило твой разум...

Он наклонился и нежно, с показной любовью поцеловал меня в лоб. Я дёрнула головой слишком поздно. На лбу осталось холодное влажное пятно; хотелось стереть его рукавом, но руки были заняты.

И прямо у моего уха, так тихо, что слышала только я одна, он прошепел:

— Ты устала, милая. Тебе нужен отдых. Навсегда. Проваливай.

Охранники подхватили меня под локти и поволокли к выходу. Стеклопакеты автоматические двери клиники моего отца с глухим стуком захлопнулись за моей спиной. За ними остались мой пациент, кабинет и портрет папы. На улицу охранники не вышли. Теперь со мной не нужно было даже спорить.

На улице хлестал ледяной октябрьский ливень.

Вода мгновенно промочила тонкий медицинский халат, смывая след от предательского поцелуя на лбу. Я стояла на тротуаре посреди ревущего вечернего мегаполиса, прижимая к груди тяжелый холодный микроскоп и тетрадь. Без денег. Без ключей от дома. В медицинском халате, с вещами в руках, будто я не врач, а человек, которому разрешили вынести последнее из чужого дома.

От слёз злилась ещё сильнее: остановиться никак не получалось. Прижала тетрадь плотнее к груди: дождь уже размочил угол переплёта. Папины записи нужно было унести отсюда, а потом думать, что делать с собой. Я не сдохну в канаве, как он надеется. Я выгрызу правду зубами.

В кармане насквозь промокших брюк завибрировал телефон.

Я опустила микроскоп и тетрадь на сухой край ступени под козырьком. Только тогда достала аппарат непослушными, посиневшими от холода пальцами.

Экран мигал коротким сообщением с незнакомого городского номера. Ни приветствия, ни подписи, кроме одной леденящей фамилии, которую в медицинских кругах шептали со страхом и благоговением:

«Городское патологоанатомическое бюро №4, цокольный этаж. Если хотите вскрыть Галеева без наркоза — будьте здесь через двадцать минут. Севергин».

Глава 3

Наутро меня посадили под мигающую лампу. Я несколько раз поднимала глаза: хотелось попросить её выключить, но Воропаев уже открывал папку. «Арсеньева М. А.» — вот и вся надпись. Между картонными крышками не помещались мои семь лет с Ратмиром, зато накладных туда набили столько, что резинка врезалась в корешок.

— Я требую независимой почерковедческой экспертизы.

Первые слова пришлось повторить: вчера я сорвала голос, крича в холле. Руки спрятала под стол, чтобы Воропаев не видел, как они дрожат.

— Я не подписывала эти акты приема левых партий анестетиков. Подписи поддельные. Мой муж... Ратмир Галеев имел доступ ко всем моим печатям!

Воропаев сидел вполоборота ко мне, следил за экраном. На мои слова он нажал какую-то клавишу и дождался, пока загрузится страница. Я возмущалась, а он будто ждал окончания рекламы.

— Какая экспертиза, Мила Андреевна? Век бумажек прошел. Смотрите сюда.

Он лениво развернул монитор. На черном фоне бежали строчки серверных логов.

— Все платежки и накладные на серый импорт подписаны вашей усиленной квалифицированной электронной подписью. Вход в систему — с вашего личного ноутбука. Подтверждающие смс-коды уходили на ваш личный номер телефона. За последние два года — сорок семь транзакций на общую сумму в сорок восемь миллионов рублей. Вы обналичивали средства через фирму-однодневку в Мытищах.

— Это ложь! — закричала я, вскакивая со стула. — Ратмир брал мой ноутбук по вечерам! Телефон лежал на тумбочке, он знал пароль, он мой муж!

— Сядьте, — холодно оборвал следователь. Он указал на мой стул, не отодвигая папку. Ему мешало, что я стою. Что мне мешает написанное в этой папке, его не интересовало. Он придвинул ко мне лист бумаги. — Постановление об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Загранпаспорт — на стол. Прямо сейчас.

Я полезла в сумку за паспортом. Бордовая книжка зацепилась за подкладку, и от этого пустяка я едва не разревелась. Выезжать я и не собиралась — мне надо вернуть клинику. Но отдать документ по его приказу оказалось страшнее, чем я думала. Я положила его на клеёнку, не отпуская край, пока следователь не протянул руку.

— Мне нужен адвокат. Мой собственный. Не дежурный, — выдохнула я.

— Ваше право. Звоните, нанимайте. Но до суда — ни шагу за черту области.

Я вышла в коридор, где пахло хлоркой, старой бумагой и дешевым табаком. У двери я постояла, поправляя ремень сумки. На телефоне можно было найти адвоката. Это я ещё могла сделать сама. Я вытащила телефон, зашла в банковское приложение, чтобы перевести аванс частному защитнику, контакт которого нашла в сети. Нажала «Отправить».

Экран моргнул алым.

«Операция отклонена. Все ваши счета и карты заблокированы на основании судебного решения об обеспечении исковых требований ООО „Дентал Арс“».

Нажала «Отправить» повторно и получила то же сообщение. Проверила другую карту, хотя уже прочла слово «все». Деньги ещё отображались на всех трёх счетах. Доступных — ноль рублей, ноль копеек. Ратмир заблокировал всё. Он вымел меня досуха, оставив без копейки на защиту, на еду, на жизнь.

В этот момент из кабинета в конце коридора вышел Геннадий Борисович — седовласый, благообразный юрист, который вел дела моего отца больше двадцати лет. Человек, которого папа называл своим братом.

— Геннадий Борисович! — бросилась я к нему, как к спасительному кругу. — Слава богу! Вы здесь! Они шьют мне серые схемы, Ратмир заблокировал мои счета, папа...

Старик дернулся, словно я была прокаженной, и нервно оглянулся на закрытые двери кабинетов. Он не подал мне руки. Его холеные, привыкшие к дорогим перьевым ручкам пальцы мелко подрагивали.

— Милочка... не надо сцен, — тихо, почти шёпотом произнес он, пряча глаза за золотой оправой очков.

— Что значит — не надо сцен? Помогите мне составить жалобу! Вы же знаете, как отец вел бухгалтерию, вы знаете, что я никогда...

— Мила, послушай старика, — он перебил меня, понизив голос до сипа. — Ратмир Тимурович перекупил всю мою коллегия еще три месяца назад. Он платит мне за этот процесс такой гонорар, о котором твой покойный отец и помыслить не мог. Не лезь на рожон. Подпиши признание вины, получи условный срок и уезжай в глушь. Иначе он тебя посадит. Реально посадит, понимаешь? Там всё куплено. До самого верха.

Он развернулся и торопливо зашагал к выходу, скрипя начищенными штиблетами.

Я смотрела вслед Геннадию Борисовичу, пока он не свернул за угол. Три месяца. Он называл меня Милочкой, спрашивал, как сплю после папиной смерти, и уже получал деньги за то, чтобы меня посадили. Захотелось догнать его, заставить произнести это ещё раз громко. Только я не могла придумать, что изменится после.

Ночью я так и не добралась до бюро: пока искала, кто довезёт меня с тяжёлым микроскопом, пришла повестка на утро. Я ответила Севергину, и он написал: «Сначала следователь. Потом позвоните». Ночевала я у дежурной подруги в ординаторской; микроскоп и спасённую тетрадь оставила у неё в шкафу. Она одолжила мне сумку и немного наличных.

До дома я добиралась на метро — наскребла горсть мелочи на дне сумки, чувствуя, как горят щеки от жгучего стыда перед кассиром.

У нашего комплекса на набережной всё было как вчера: чистый гранит у входа, окна от пола до потолка, охрана, которая помнила мою фамилию. Я поздоровалась машинально. Ещё рассчитывала, что хотя бы здесь не придётся объяснять, кто я. Лифт поднял меня на семнадцатый этаж. Глядя на цифры над дверью, я пыталась выбрать, что забрать первым. Мне нужно было только одно: забрать остальные отцовские дневники, семейные фотоальбомы и сменную одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.